5-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 16

ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АПРЕЛЬ

МОСКВА, Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56

1927 ГОД

ЗАГРАНИЧНАЯ ПОГОДА

Рис. А. Радакова

ДЕНЬ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ... БЛИЗИТСЯ ЖАРКОЕ ВРЕМЯ!..

„ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ"

Рис. Н. Радлова

Часто зав прежде всего заботится о том, чтобы пристроить к себе на службу своих домочадцев.

МНОГОСЕМЕЙНЫЙ ЗАВ:—Здравствуйте! А мы к вам в гости—так сказать, всем учреждением!..

ТИТУЛ АНГЛИЙСКОГО КОРОЛЯ

СТАТЬЯ заимствована из белогвардейской газеты „Последние Новости", издающейся в Париже. Нам принадлежат только некоторые изменения, добавления. Ну, и не совсем почтительный тон... Это уже наше.

Две недели тому назад английский парламент изменил титул короля Георгия Пятого.

Первый титул английских королей, самый, самый первый, был такой:

„Божией милостию, король вселенной, император Венерийский (от планеты Венера), Цезарь Марса, Господарь Меркурия, Герцог Земли и прочая, и прочая и прочая".

Никто на это не обижался, ибо каждый думал: „Пусть называется!"

Все-таки с течением времени как-то все сокращался титул английских королей. Отпала Венера, хотя некоторые следы от нее остались и поныне в английской королевской фамилии. Осталось именно то, о чем врачи сейчас говорят, что это не позор, а несчастье.

Впоследствии отпали от владений английских королей и другие планеты и, чтобы пополнить титул, парламент вставил: „Защитник веры". Когда же английские короли стали усиленно работать на внутреннем фронте, то к титулам стали прибавляться чисто экономические термины.

Так, например, король Георг Первый сильно интересовался скаковыми лошадями, и сейчас парламент на это откликнулся, к титулу английских королей было прибавлено:

„Защитник веры и скаковых лошадей".

В народе же его просто называли: „Король—лошадь".

Георг Третий ввел в моду узкие брюки. После этого титул английских королей стал писаться так: „Божией милостью, король Англии, Император Индии, Герцог всех конюшен и церквей. Царь узких брюк и прочая, и прочая и прочая".

В нынешний титул королей английских парламент внес слова: „Вождь Мулов".

К которым Георг Пятый, ныне благополучно царствующий, питает почти родственные симпатии! Каждый мул для него—родной брат.

Парламент, конечно, не мог на это не реагировать.

Несмотря, однако, на все великие звания, перечисленные в титуле, английский король не считается первым предметом в королевстве. Самое главное—печать короля.

Все то, на чем не поставлена печать короля, будь оно первый министр, архиепископ, депутат парламента или счета от придворного мясника—недействительно.

И даже сам король без печати считается недействительным.

Кража короля считается не столь великим несчастием, как кража королевской печати. Первое, кража короля, приравнивается законом к конокрадству и соответственно карается. Кража же печати приравнивается к самым тяжким преступлениям и карается едва ли не смертью.

Печать не ставится на предмете, а привешивается к нему. Делается это так: предмет продырявливают, протягивают через проделанное отверстие шелковый шнурок, концы которого запечатываются зеленым сургучом. Это красиво и удобно.

Когда является необходимость заменить старую печать новой, король слегка ударяет старую печать молотком. Это означает: „старую печать надо на слом".

Этот способ иногда применяется и к самим королям. Только тут уже действует не деликатный молоток, а настоящий молот.

Делается это так:

К королю приходит человек с молотом. По большей части даже не один человек, а много людей...

Человек ударяет короля (не то, чтобы очень слегка) по голове молотом. Это означает: король и весь старый королевский строй идет на слом...

Королевская печать берется тогда в музей, а сам король тоже получает спокойное лежачее место, после чего он становится очень мил. Он даже умнеет.

Н. ПЕРЕКАТОВ

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ ПАСХА

Рассказ

— ГДЕ праздник? — Нет праздника! — грустно сказал бывший инспектор гимназии Перезвонов и, опрокинув рюмку, грустно закусил огурцом.

— Где праздник? — Нет праздника! — как эхо, повторил бывший законоучитель отец Антитезов.

— В свое время, — мрачно продолжал Перезвонов, — в свое время, я, надворный советник, инспектор гимназии, кавалер орденов святого Станислава и святые Анны третьей степени, затянутый в присвоенный мне мундир ведомства народного просвещения... Понимать надо.

— И не говорите! — шумно сказал отец Антитезов.

— Погодите. Я — Иван Иванович Перезвонов, готовился к визитам. Первый день пасхи. В воздухе — колокола. Румяные бабы грызут сласти и зубоскалят у ворот с дворниками, нижние чины, отпущенные по случаю праздника святые пасхи из казарм, чинно гуляют по мостовой. Городовой Бородулин в начищенных сапогах и с присвоенными шейными медалями берет под козырек. И я, инспектор гимназии Перезвонов, в форменном пальто, в треуголке и при шпаге и белых перчатках чинно выхожу на крыльцо и делаю знак извозчику; или нет. Я еще дома. Последние приготовления. Мавра сдувает последние пушинки с вицмундира. Анна Никитишна наводит блеск на штиблеты. Гудят колокола. Между тем я распределяю визиты. Первый визит — полицмейстеру.

— Сидит — шумно вздохнул отец Антитезов. — И за что сидит — за фальшивую анкету.

— Не прерывайте. К полицмейстеру. Далее к директору гимназии.

— Выслали. За мануфактуру выслали.

— Внимание, батюшка. Далее к городскому голове, к податному инспектору и к вам, отец Иона. Надеваю перчатки. Мысленно представляю себе стол у городского головы, Саввы Сергеевича Пудова. Пасхальный стол. Из закусок — икра свежая и паюсная, семга, лососина, балык из собственной лавки. Пасха. Полупудовый кулич. С сахарным барашком и у барашка флажок. Яички всех цветов радуги. Окорок. Савва Сергеевич, понятно, на взводе. Христосуемся. Хозяюшка Анна в белом атласе. Детки в косоворотках и лаковых сапожках. Выпили по первой. Гудят колокола. По второй — колокола. По третьей — колокола. Закусили. Солененького. Грибков. Господи, господи... Понимать надо.

Как парус, заколебались шторы: вздохнул Антитезов.

— Отец Иона! Отец Иона! — вдохновенно воскликнул Перезвонов. — Отец Иона! А что, ежели я сейчас...

— Что?

— Ежели сейчас, при них, при большевиках, я — Перезвонов, в присвоенной форме, при орденах, на извозчике — к этому самому Пудову, к Савве Сергеичу, с визитом?..

— Господи!..

— Погодите!..

Перезвонов вскочил и скрылся за дверями.

Тикали часы. Медленно ползла стрелка, показывая двенадцать без четырех.

И ровно в полдень перед отцом Антитезовым в вицмундире, в треуголке и при орденах стоял Иван Иванович Перезвонов.

— Подвиг! — скромно сказал Перезвонов.

— Госп... — у отца Антитезова перехватило горло. А Иван Иванович Перезвонов чинно и величественно последовал на крыльцо и поманил перстом извозчика.

▼

— САВВА Сергеич, Савва Сергеич! — задыхаясь, воскликнула Анна Савишна... — Глазам не верю. Неужто к нам?..

Извозчичья пролетка, тарахтя, подкатилась к воротам. В пролетке сидел прямой, как палка, в треуголке, вицмундире, при шпаге и орденах Иван Иванович Перезвонов. И туча мальчишек бежала за пролеткой.

Иван Иванович, сгибаясь и осторожно ступая по скрипучим ступенькам, поднялся в мезонин. Савве Пудову оставили мезонин. Внизу помещалась 24-я трудовая школа.

— Иван Иваныч, — хрипло сказал Пудов. — Вас ли я?.. Вы ли меня?.. Чур меня, чур, перечур.

Иван Иванович подошел, и они трижды шумно поцеловались. Помолчали.

— Чем попотчуете по случаю праздничка? — сказал Перезвонов и оглянулся на стол. — Понимать надо.

— Сами знаете! — хрипло промычал Пудов. — Яички, кулич испекли еле. Одной водки хватает. В чем-в чем, а в этом, по старой памяти, не откажу. Сами знаете — наши доходы — один ларек на базаре. Еле хватает.

Выпили и не закусили. Не гудели колокола. Выпили по второй. Не гудели. После десятой загудели и стало, как прежде.

В два часа дня по старой Раз'езжей (ныне Проспект Профсоюзов) в извозчичьей пролетке ехал человек в вицмундире. Треуголка косо сидела на макушке у человека в вицмундире. Человек икал, качался и ловил руками воздух и бормотал:

— По... пони... понимать надо.

Покатываясь со смеху, бежали за пролеткой мальчишки.

Иван Иванович Перезвонов отсыпался сутки. На следующий день его разбудил звонок почтальона.

— Поздравления? — спросил — Перезвонов. Погоди, любезный. Там, кажется, осталось...

— На работе — не пью! — сказал почтальон и протянул повестку.

ПОВЕСТКА была от фининспектора — напоминание о сроке платежа налога с владельца игрушечной и картонажной мастерской гражданина Ивана Перезвонова.

— Чудеса!.. — вдруг весело сказал почтальон. — Вчера ездил один пьяный распьяный на улице. Весь в медалях и на голове — треух.

— Ну? — тревожно спросил Перезвонов.

— Показательная пасха. Должно, актер или из клуба любитель. Ну смеху было, смеху...

Хлопнула дверь. Почтальон ушел.

— Не поняли! — задыхаясь, воскликнул Перезвонов — не поняли!

И зарыдал.

Л. НИКУЛИН

ЗА ПАСХАЛЬНЫМ СТОЛОМ

Рис. М. Черемных

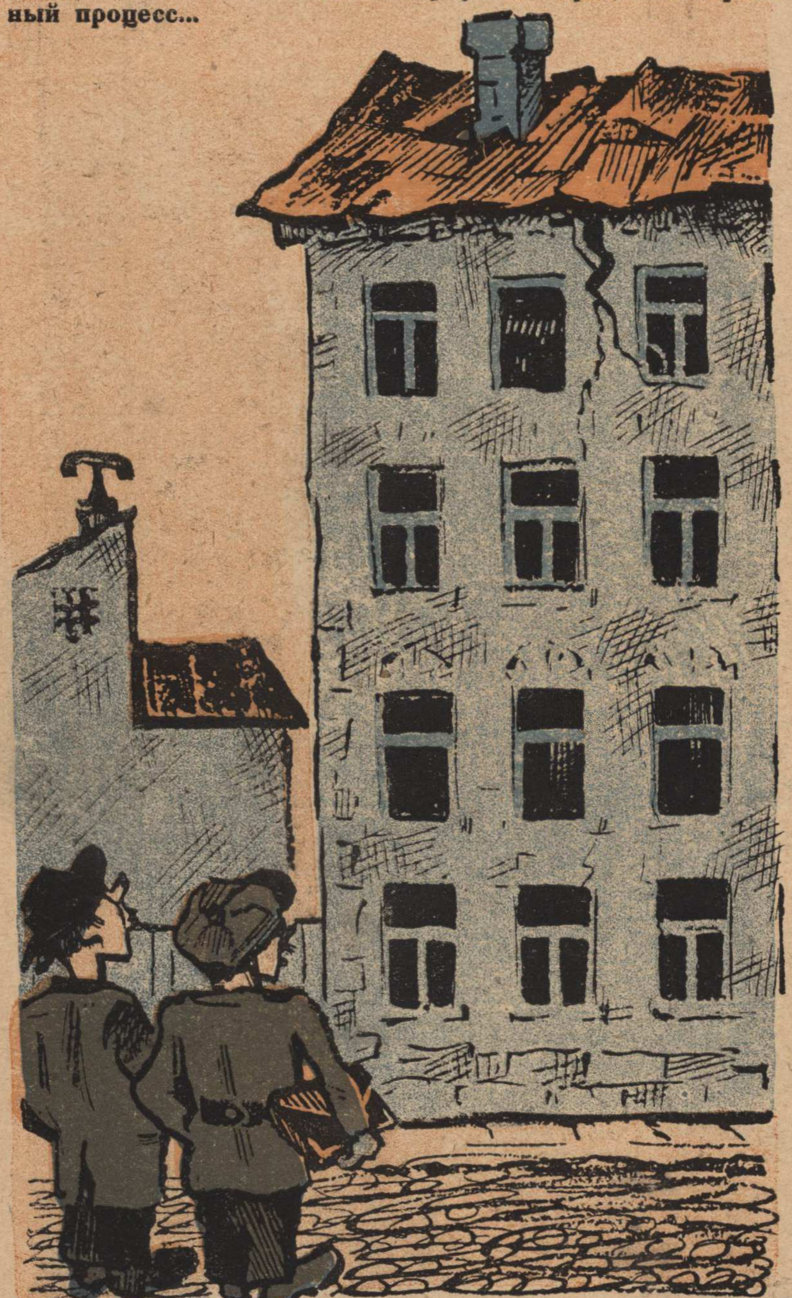
— Я, конечно, в бога не верю. Но Аришке подлой за подгорелый кулич голову оторву, мерзавке!

РАЗНЫЕ БОЛЕЗНИ

Рис. Н. Радлова

ДОКТОР:—У вас задеты верхушки. Предстоит серьезный процесс...

— Посмотри-ка, верхушки уже задеты. Я предвижу серьезный процесс...

ТЕПЛОЕ МЕСТО

(Руководство для провинциалов)

СУЩЕСТВУЕТ предвзятое, ни на чем не основанное, мнение, якобы беспартийному, не имеющему протекции человеку немыслимо или, в лучшем случае, чрезвычайно трудно устроиться на советскую службу и сделать себе карьеру.

Когда же сторонникам этого, весьма, впрочем, распространенного мнения указывают на иного, без всякой протекции преуспевающего беспартийного молодого человека, то они либо скептически поджимают губы, либо, припертые к стене, говорят:

— Ну, что ж, батенька, нет правила без исключения.

А, между тем, все это далеко не так. Устроиться можно, и без большого труда. Достаточно лишь твердо усвоить основные положения нашего краткого, но незаменимого руководства.

▼

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что вы только-что приехали из провинции; что у вас в Москве нет ни одной знакомой советской души; что вы беспартийный молодой человек, не имеющий ни специальности, ни служебного стажа.

Ваше будущее темно и беспросветно. Только вчера истрачена последняя трешка. В мрачном отчаянии, полный мыслями о самоубийстве, вы, не замечая окружающих, проходите мимо справочных бюро МКХ и не подозреваете, что все ваше будущее, все ваши шансы на успех заложены в этих скромных киосках.

Возьмите себя в руки, молодой человек! Поройтесь в жилетке, не завалялся ли гривенник? Нашли? Прекрасно!

Теперь подойдите к автомату, найдите учреждение, в коем вы бы хотели работать, и смело звоните.

— Алло! Центротекстиль? Кто говорит? Мне члена правления. Да, товарища... (тут вы называете вычитанную в телефонной книжке фамилию)... Алло! Это вы? С вами сейчас будет говорить Анатолий Васильевич. Да, да, Луначарский... Передаю трубку.

Естественно, трубку вы передаете самому себе и, слегка изменив голос, говорите несколько слов о самом себе.

Будьте уверены, что в самое же ближайшее время вы получите назначение.

Но если некоторые уголовные опасности, связанные с этим способом устройства, все же отпугивают вас, то вот вам второй, правда, менее верный, но зато совершенно безопасный способ.

Вы заходите в нужное вам учреждение и, проторчав в приемной каких-нибудь полчаса, узнаете имя возглавляющего лица. Затем—решительно входите к нему в кабинет и восторженно говорите:

— Ваня! Неужели не узнаешь?—и, услышав обычное и нерешительное:

— Простите, не узнаю...—

ударяете себя кулаком в левый сосок и патетически восклицаете:

— Ваня! Ды-к как же! Ды-к вместе под Царицыном кровь проливали... Одной вшивой шинелишкой покрывались...

▼

ЕСЛИ в первом учреждении у вас сорвется, то не дальше, чем в пятом по счету, вы натолкнетесь на человека, действительно бывшего на Царицынском фронте.

И пусть он вас не узнает: вы от этого только выгадаете. Чувствуя себя непомерно неловко перед вами (еще бы, вместе сражались!) и во всю ругая свою „изменившую память", он тем быстрее устроит вас.

Но вот вы—на службе. Вы ежедневно протираете свои единственные штаны на жестком канцелярском стуле; вы целый день заполняете скучные бумажки; вы живете унылой жизнью маленького советского служащего. А ваша карьера? Где она, ваша карьера?

Вы снова впадаете в отчаяние. А между тем—чего проще!

Под строжайшим секретом расскажите кому-нибудь из сослуживцев, что вы—двоюродный племянник бывшей жены самого... тут вы называете любого пришедшего вам в голову наркома.

Впрочем, способ этот несомненно кустарен и особых перспектив вам никогда не откроет. Пойдите по другому пути.

Проявите себя беспартийным, но честным общественником.

Дождитесь первых перевыборов в местком. Вас еще никто не знает; никому и в голову не придет выставить вашу кандидатуру. И не надо! Справитесь сами!

Перед оглашением списка, попросите слова и твердо скажите:

— Товарищи! Я снимаю свою кандидатуру.

Будьте уверены, что в ответ вы услышите дружные возгласы с мест:

— Ничего! Пущай работает! Этак мы все отказаться можем...

Вас, безусловно, выберут. Первый шаг сделан.

▼

ЧЕРЕЗ год—два вы будете уже ответственным и незаменимым. И вот тогда вам неминуемо захочется проветриться и приодеться. Ясно, что надо получить заграничную командировку.

Вы не знаете ни одного иностранного языка. Неважно, были бы переводчики. Ваша поездка так же нужна вашему учреждению, как Чемберлену китайская революция.

— Неважно.

Не смущайтесь этими мелочами. Затейте основательную, хорошую склоку, и никакие режимы экономии не остановят вашей долгосрочной командировки.

Но вот—ваша карьера упрочена. Вы добились всего, о чем только осмеливались мечтать, когда бесцельно шагали по панелям Москвы.

Пора и на отдых.

Закончить вашу карьеру вы можете, как и начали, также двумя способами.

Первый—сначала квартира в арендованном доме, дача на Клязьме и затем—исправдом.

Второй:—сначала исправдом, затем—квартира в арендованном доме и дача на Клязьме.

Выбирайте любой.

И. СВЭН

В ВАГОНЕ

Моя обыденная грязь
В Москве. Осталась на вокзале там.
И я беседую, смеясь,
С плывущим полем, солнцем залитым.

Мне радостно. И сторож рад
Зеленым флагом на посту кивать,
И поезд, словно взял подряд
Чечеткой четкою постукивать.

Храпя, летит железный конь,
Живых коней пугая вкопанных...
И я мирюсь, что сверху вонь
Несется от носок заштопанных.

Но обладателю носок
Дар молчаливости несвойственен.
И с полки сиплый голосок
В мое вторгается спокойствие:

—„К-хе... Левитановская грусть.—
Альбом... Пейзажей русских серия.
Эх, ты, страдальческая Русь,
Верней сказать—Эс-эс-эсерия!

Хе-хе-хе-хе. Эс-эс-эс-эр!
Мечтают о каком-то тракторе,
А мужичок, как раньше, сер,
И трактор не в его характере.

И я когда-то земцем был;
Работал на народном поприще.
Одним из главных заправил
Был, как его?.. Известный.. Бобрищев..

Я вам скажу. (Прикройте дверь.)
Я был работником недюжинным.
Я знаю, что деревня—зверь,
И зверь не должен быть разбуженным.

Конечно, наш народ дерьмо.
Но все же Ваньки и Василии
Проснутся и спихнут ярмо,
Ярмо еврейского засилия.

И правы.—Где ни кинь—брюнет,
Жидок каракульчи курчавее.
Все равноправны; только нет
Для нас, для русских равноправия!"

Мне солнце кажется серей
От длительного многословия,
И я ему:—„Я сам еврей.
Родился даже в Могилеве я."

— „Еврей? Изволите шутить.
Серьезно? Ну, оставьте шуточки.
Ей богу? Ну, не может быть.
Ну, непохожи. Ну, ни чуточки.

Я—юдофоб? Наоборот.
Обязан честно вам сознаться я:
Евреи—деловой народ,
Евреи—золотая нация!

Вот, например, у нас жильцы.
Сам служит. Дочка переписчица.
Так уж такие молодцы!
И среди русских не отыщется!

Да, я со многими знаком.
Семья дантиста—Воробейчики.
Святые! Да, но дело в том,
Что есть евреи и еврейчики."

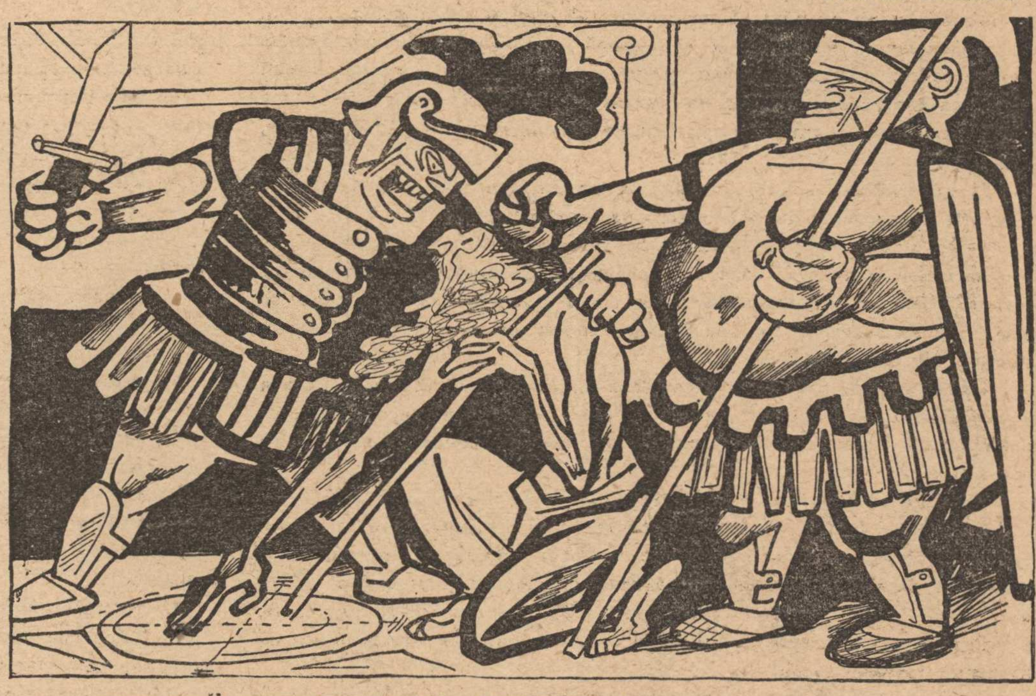
Сказал, смутился и засох.
И снова поезд глушит мысли вам.
И только запах от носок
Стал символически осмысленным.

МИХ. ВОЛЬПИН

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

(Еще об изобретателях)

Рис. А. Радакова

ДРЕВНИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ АРХИМЕД (римским воинам):
— Делайте все, что хотите, но оставьте мои чертежи!

ЗАВТРЕСТОМ (современным изобретателям):
— Оставьте чертежи и делайте все, что хотите!

СКАЗКА О ДУРАКЕ

ЖИЛ-БЫЛ дурак. От старого ли режима остался, на советских ли хлебах вырос, неизвестно, только был дурак этот дураком форменным, стопроцентным.

Шел однажды дурак по улице и увидал, как извозчики масло в кооператив везли. Увидал дурак эту картину и давай мешать извозчикам. То камешек бросит, то лошадь остановит. Терпели извозчики, терпели, но, наконец, не вытерпели и вздули дурака. Пошел дурак домой и, плача, рассказал матери о случившемся.

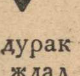
— Эх, дурак,—сказала мать.—Ты бы им дельное слово шепнул. Мол, носить вам не переносить, таскать не перетаскать.

ЗАРУБИЛ себе дурак на носу эту фразу и, увидав на завтра, как хулиганы в рабклубе избили заведующего, и как зава этого на носилках понесли, дурак радостно захохотал:

— Эх, носить бы вам не переносить, таскать не перетаскать.

Снова невесело пришлось дураку, и снова его мать корила:

— Ну и дурак. Ты бы шапку снял и сказал бы: канун да ладан.

ЗАПОМНИЛ дурак и эту фразу. Запомнил и ждал ее применения. И дождался. Попал как-то дурак на торжественное открытие какого-то Губторга. Увидал там тьму народа и громко на весь зал ляпнул:

— Канун да ладан.

Опять конфуз. Опять дурака мать учит:

— Фу, дурачье. Ни ладу, ни складу с тобой. Взял бы, дурак, дудочку с собой. Поиграл бы людям добрым песню веселую, пусть пляшут на радостях, и слово дельное сказал бы.

Всякий ребенок сказку эту знает. Знает, как дурак и с дудкой попал, куда не следует, как он опять к матери явился, как снова мать его напрасно учила. Но у моего дурака дела пошли иначе. Взял дурак дудочку, вернулся в Губторг и стал на ней играть. А вскоре многие стали плясать под эту дудочку.

УДИВЛЯЕТСЯ читатель, почему, мол, мой дурак не похож на того дурака из детской сказки. Очень просто: потому что мой дурак не сказочный; он жизненный.

А в жизни ведь все непохоже на сказку. Все иначе.

М. КОВАРСКИЙ

ЭТО ФАКТ

I.

ПРЕДМЕСТКОМА глухой станции Вам-ба-тан сидел у окна и с явным неодобрением смотрел на прискучивший ему до чорта пейзаж.

За окошком, вплотную к пустынной платформе, дремучей стеною стояла тайга, и наглые белки физкультурно скакали в густой зелени лапчатых пихт, да напротив, на дуплистом, грозой искарябанном кедре настойчивый дятел деловито выстукивал непонятную телеграмму—ту-тук, тук-ту-у-тук.

Предместкома сердито отвернулся от дятла и пошарил глазами по комнате, но особенно нового ничего не заметил.

— Ну и глушь,—горько вздохнул предместкома.—Хоть бы землетрясение что ли какое случилось... Или даже ревизия... Сочинить разве что-нибудь с горя? Сем-ка, недоимщиков циркуляром припугну... Разложились во всю, язви их в душу,— по три месяца взносы не платят в роде Ваньчи Косых... Ну, да я их сичас...

Предместкома сладострастно схватил аппетитную четвертушку бумаги и уже размахнулся строчить, но дверь сзади тихохонько скрипнула, распахнулась, и в комнату, мягко ступая на присадистых лапах, вошел здоровеннейший... тигр.

— Бонжур!—крикнул с испугу предместкома и кинулся в угол.

— Привет смене, - сказал человеческим голосом тигр,—и да здравствует кооперация. Позор частникам. Смерть капиталу. Не пугайтесь. Я совсем не за этим. Но дозвольте, однако, присесть и отфыркаться. Потому я сейчас сорок верст по путе отмахал, аж хвост мокрый. Хотел, знаете, в поезд, да раздумал. В рассуждении скорости. Да и кондукторишки не пускают. Боятся, что ли?

— Поражающий факт! — прохрипел предместкома, протирая глаза.— В таком случае — чем могу?

— Взносик членский принес я. Дозвольте расписочку.

— Извиняюсь, товар... То-бишь, гражданин... Перво-наперво—час не приемный. А потом,—вы же значитесь хищник? И вам в наши ряды ходу нет... Согласно устава... пункт—б... а параграф...

— Где уж мне! — вздохнул тигр, — мы, конечно, как бы сказать — лишенцы. А взнос этот при члене вашем нашелся, при Иване Косых. И как он перед смертью просил передать, так я и принес.

— Взнос? Косых?.. Перед смертью?.. Рази помер Косых-то?

— Не то, чтобы помер,—скромно признался тигр, — а, действительно, с'ел я его. Извиняюсь, промялся в дороге...

И, утершись пушистою лапой, добавил:

— Так уж вы мне расписочку...

II.

УБЕЖДАЛИ упрямого зверя очень долго и всем наличным президиумом.

— Да поймите же вы, товарищ, — горячился завкульт, — ну, как вы смеете членов союза трогать, коли при них и билет и трудкнижка с печатью, за номером и подписи полностью?

— Я билета и не ем! Подписей ваших — тоже... Канцелярщины не перевариваю.

— Это чорт его знает, что! И так членов у нас здесь не густо, да вы еще актив жрете... Позор!

— А что, — предложил находчивый секретарь, — а что ежели мы вас на службу устроим, а? Ревизором, к примеру... Зайцев много у нас на дороге... А у вас, так сказать, урожденные ревизорские качества...

— Возни куча!—поморщился непокладистый тигр.

— Коли так,—рассердился местком,—коли этак, так мы сейчас храброго агента вызовем. Пущай он раз'яснит... И кто вы такой и где были до восемнадцатого.

III.

ИЗВИНЯЮСЬ, братишка!—густым голосом сказал храбрый агент, косясь на вершковые когти,—прошу пред'явить.

— Вам мандат?—любезно ощерился тигр—Всегда при себе!—и растопырил пудовую лапищу.

— Ето факт...—попятился агент.—А откуда прибымши?

— Из центрррра!

— А... чем там занимались?

— Как чем? На советской служил. В госцирке. Даже в рабисе состоял.

— В таком разе, извиняюсь, братишка,—развел агент руками.—Контры нету и я не при чем. Вы уж как-нибудь тут без меня срегулируйтесь... Ето факт..

И ушел, не прощаясь за лапу.

А на завтра, поймав за поселком дюжего парня в замасляной кожанке, тигр сказал ему деловито:

— Вот что, паря, ты, однако, союзный? Ага. Ну, молись. Сейчас буду завтракать. Документы и деньги заранее вынь. А то проглочу—икать буду!

— Нам молиться нельзя,—бойко ответил парень,—мы авангард. Денег тоже не густо. Но, однако, позвольте, товарищ империялист, писулечку чиркануть?..

— Чиркани. Я доставлю.

— „Дорогие товарищи пресса! — строчил бешено парень, — прошу экстренно пропечатать, что на нашем участке развелась ужасная гидра в лице хищника — тигра и срывает у нас профкультуру. И сейчас всю мою стенгазету в общем и целом со мной вместе с'ест. Позор проискам Англии, а охрана труда — ау!“

Дописал и сказал, подавая записочку:

— Прош-шай сапоги! Поклонися страхкассе!

Через два дня записка попала в редакцию.

Через три появилась ударная передовица.

На четвертый день вопрос обсуждался в бюро.

На шестой был поставлен на пленуме.

На седьмой согласован, а на десятый на линию выбыла срочно комиссия с представителем Ер-Ка-И, финконтроля и шефского общества.

К сожалению, тигра на месте почему-то не оказалось.

Убоясь волокиты, он ушел за Амур и, кажись, перекинулся в чжанцзолиновцы.

IV.

ДОРОГИЕ читатели! Рассказ мой окончен.

Признаюсь, про местком и про тигра, я, однако, приврал.

Тигр в местком не являлся.

И рабкора не лопал.

И даже нет станции Вам-ба-тан во всем Приамурье.

Но... зато есть далекая станция Шито-Хоцзы. А на ней есть местком. И местком этот пишет в газету:

— „Трудно работать. Мешают нам хищники. Не дают собирать взносы. В феврале группа наших рабочих три дня просидела в бараке безвыходно, так как около рыскал здоровеннейший тигр, очень мешая профработе“.

И помочь таким станциям надо.

— Ето факт!

ЛЕОНИД САЯНСКИЙ

Рис. А. Радакова

Семеро с сошкой—один с ложкой.

ОРКЕСТР БЕЗ ДИРИЖЕРА

Рис. Ю. Ганфа

— **А где же дирижер?**
— **Дирижер находится в Лондоне!**

УГОЛ СНИЖЕНИЯ РАВЕН УГЛУ ОТРАЖЕНИЯ

С момента снижения цен на хлеб многие булочные стали выпекать хлеб низкого качества.

Из газет.

Рис. Н. Радлова

— Эй, Сергей, Иван, Минай,
Покажи ловкачество:
Цены—ниже, так валяй—
Понижай и качество!

Ну-ка, больше отрубей
Дуй в мешки с пшеницею!
Кофий сдобри, не робей,—
Матушкой-землицею!

В керосин воды качай
Да и в соль при случае...
А селедки отпущай
Самые вонючие!

Может статься,—в добрый час
(Помоги, владычица!)
От сниженья цен у нас
Прибыль увеличится!..

СДАЕТСЯ КОМНАТА

ОБЩЕЖИТИЕ русских классиков. Сильный стук в дверь.

Ломоносов—Кто там?

Голос—У вас на воротах висит об'явление о сдаче комнаты.

Тургенев (проснулся и быстро встает с кровати)—Совершенно верно, но в об'явлении указано, что комната сдается только лучшему советскому писателю, солидному и спокойному.

Голос—Живей поворачивайтесь! Я и лучший, и советский, и писатель, и солидный, и спокойный. Живей старички!

Гоголь—Друзья, наступает необычайная минута! Мы увидим первого советского писателя! Лев Николаич, проснитесь! Антон Палыч! Михал Евграфыч! Михал Юрьич! Федор Михалыч! Пожалуйте сюда, к дверям, в кружок, как у меня в „Ревизоре". Готовы? (Открывает дверь. Входит Иван Иваныч Гармошкин.) Вот вы какой!

Гармошкин—Да. Я такой. Эдакий. А вы—вон оно какие.

Гоголь—Будьте добры пред'явить ваше полное собрание сочинений для прописки в районе.

Гармошкин—Захватил, захватил! А вы кто же будете? Отец дьякон?

Чехов (сконфуженно шепчет)—Это же Гоголь! Что вы!

Гармошкин—Аааа! Перешибленный Мейерх...

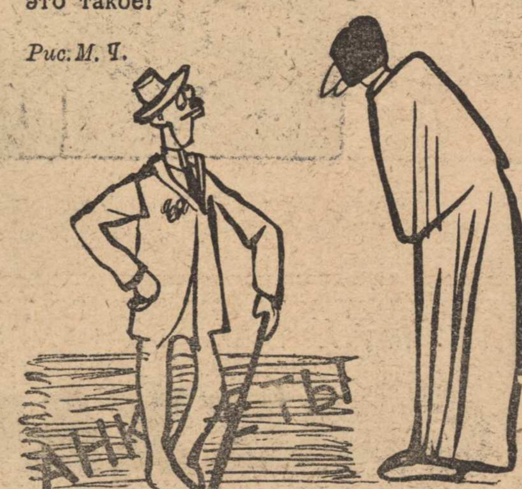
Чехов—Тсссс! Мы это держим в страшном секрете от Николая Васильевича!

Фонвизин—Прошу для прописки.

Гармошкин—Вот-с. (Раздает классикам. Общее смущение).

Грибоедов—Ничего не понимаю! Что это такое?

Рис. М. Ч.

Гармошкин—Анкеты. (Гордо)—Написано за краткую жизнь 7.396 Отвечено на 19.937 363 777 вопросов. Не отвечено на 7.313.917 964.

Фонвизин—И сие все, что ваше перо нанесло на бумагу?

Гармошкин—А ты разве боле написал?

Жуковский—Они написали много менее, но они творили, измышляли и подавали вымысел, как художественную правду.

Гармошкин—Слушай, старичок! А я по-твоему в анкетах правду писал? Тоже, брат, и творили, и измышляли, и подавали вымысел, как правду!

Лев Толстой—Я прочитал несколько «анкет» этого писателя. Перо крайне бойкое. Принимая во внимание, что такой разновидности писателя у нас еще не было, я предложил бы сдать ему комнату.

Пушкин—Но, к сожалению, на земле это имя совершенно не знакомо. Я запрашивал землю. Никто не знает этого писателя.

Лермонтов—При жизни не все мы могли похвастаться известностью. Нельзя, Александр Сергеич, мерить на свой аршин. Я голосую за сдачу комнаты. Мне очень нравятся его анкеты. Очень мило и остроумно.

Гармошкин—Молодой человек! А вы бы мои отчеты и командировочные счета почитали! Со смеху бы померли.

Фонвизин (чистит о парик гусиное перо и пишет). Сего февруария прибыл Гармошкин Иван Иваныч. Автор „Анкет", „Отчетов" и „Командировочных счетов". Откуда прибыл? Из града Москвы. Памятника на земле еще не имеет. Нерукотворный—есть...

ЕВГРАФ ДОЛЬСКИЙ

ОБРАЗЕЦ

...Даже виднейшие наши поэты нередко халтурят, увлекаясь „строкогонством".

Из критической статьи.

Прославленный поэт, творивший каждый день
По социальному заказу
(Любой рукой, по сотне строчек сразу), —
Однажды Пушкина во сне увидел тень.
— Ужели это ты? Предтеча мой и брат! —
Воскликнул наш поэт, питая страсть к тирадам, —
Здорово, старина! Я, право, очень рад,
Что вижу, наконец, тебя со мною рядом.
Ведь оба мы с тобой изрядные певцы.
Обоим нам даны волшебные свирели,
Хотя стихи твои — былые образцы —
Для нас, признаться, устарели.
Твой ключ живительный от времени иссяк;
И я сержусь и возражаю,
Когда мне говорят, что я, неся твой стяг,
Тебе частенько подражаю.
Смешно! Ведь перейдя на высшую ступень
И в смысле техники и в смысле содержанья...
— Конечно, это — вздор, — его прервала тень —
Ты взял себе иной пример для подражанья.
— Какой еще пример? — обиделся певец,
За честь своих стихов вступившись дерзким взглядом.
— Да вот же он, как-раз, стоит с тобою рядом,
Твой совершенный образец!..
Но здесь поэт проснулся от тычка
И сплюнул, протерев свои зеницы дланью,
Зане увидел он... молочницу Маланью
И услыхал: „Не надо ль молочка?"
— Не странен ли сей сон? — спросил себя поэт.
И тут же голос внутренний сурово
Ему шепнул безжалостное „нет".
— Ведь, сделав музу дойною коровой,
Ты разбавляешь свой удой,
Как та молочница, водой!..

АЛЬМИ

ВЕСНА В ГОРОДЕ

Рис. Б. Антоновского

Весенняя выставка Резинотреста.

БОЖЕСТВЕННАЯ КАСТОРКА

Оказывается, „спастись от греха“ очень просто и доступно каждому, живущему по соседству с каким-нибудь „садом забвения и заблуждения“.

Любящий брат во Христе Яков Степанович Зиневич и Марченко, Иван Тимофеевич, ясная заря, по свидетельству богоявленских сектантов, открыли библейские курсы, конкурирующие с фармацевтическими школами и рассылающие рецепты от греха по довольно сходной цене.

Особенность богоявленского рецепта заключается в том, что его можно приготовить, не прибегая к помощи аптеки, домашним способом.

Вот этот „РЕЦЕПТ ОТ ГРЕХА“:

„Пойди в сад забвения и заблуждения“.

(Рукой подать!)

„Накопай там побольше кореньев смирения и нарви листов терпения“.

(А если оштрафуют?—„Портить деревья строго воспрещается“!)

„Собери плоды нелицемерия и иссуши на солнце примирения“.

(Благо, солнце всходит и заходит, а в башке твоей, о любящий брат во Христе, темно).

„Изрежь обоюдо острым мечом слова божия“.

(Этот меч (поддержанный) можно приобрести по случаю у любого попа. „Продается за ненадобностью“).

„Все это просей решетом рассуждения“

(Составитель рецепта не сомневается в том, что голова его клиента, как решето.)

„Добавь туда воды от слез раскаяния“...

(Очевидно, именно той воды, которая темна во облацех).

„Положи еще соли братолюбия“.

(Т.-е., английскую соль, столь знакомую, напр., китайцам).

„Взвешивай весами радости“.

(Теми самыми, которыми обвешиваешь).

„И принимай со страхом божиим“...

(Через час по столовой ложке).

Его-же монаси приемлют... Однако, если сей божественный рецепт просеять решетом рассуждения, то окажется, что не всех еще насадителей садов заблуждения изрезали у нас обоюдоострым мечом прокурорского надзора и не вызвали у них слез раскаяния. Не пора ли корни древес заблуждения народного иссушить на солнышке и на оное же солнышко аптекарей имеющих уши слышать за сии последние вытащить...

НЕ БЕЗ УРОДА

Рис. М. Черемных

Тов. Семашко написал книгу под заглавием: „На алименты надейся, а сама не плошай“.

Сама не плошает, а...

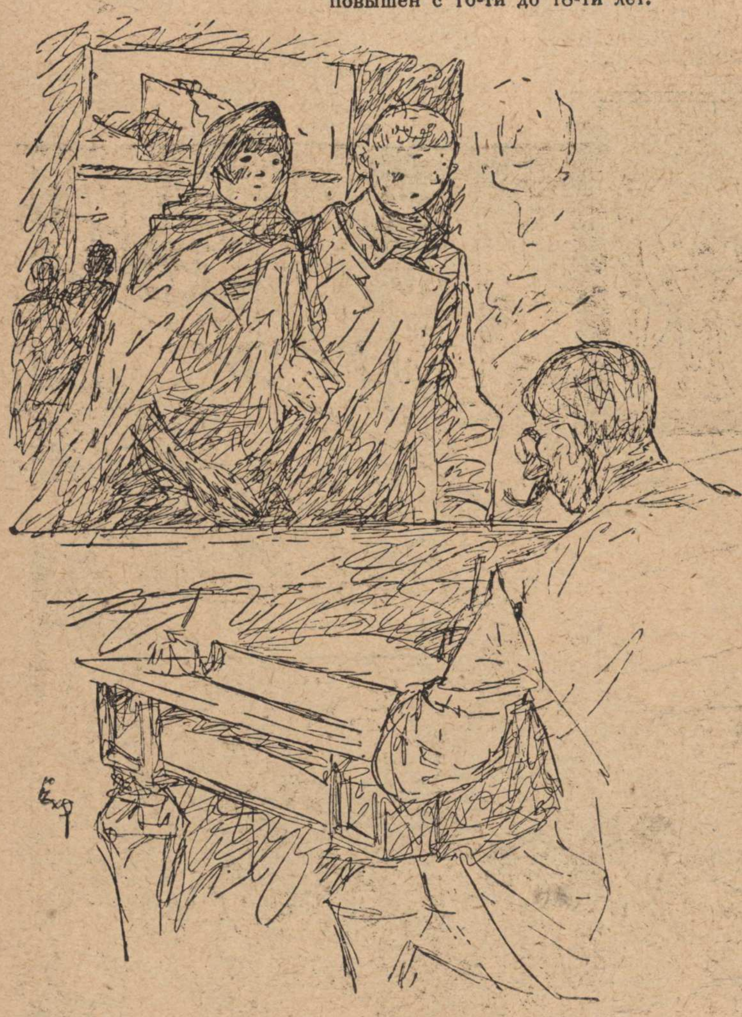

...на алименты надеется.

ПО НОВОМУ ДЕКРЕТУ

Рис. Ю. Ганфа

По новому декрету брачный возраст повышен с 16-ти до 18-ти лет.

— Вам сколько лет?
— По 16-ти.
— В таком случае вам придется подождать.
— Но мы ждем уже полчаса.
— Нет, вам придется подождать два года.
— Какая ужасная волокита! Какой ужасный бюрократизм!

ТО-ДРУГОЕ, ПЯТОЕ-ДЕСЯТОЕ...

ДВОЙНИКИ

(В кооперативе).

— Да, десять рублей: это ж материал двойной...

— Я и так вижу, что двойной: сперва для рабкора, а потом для прокурора: почему цены не снизили?..

МОСКОВСКОЕ

— А доктор нашел у него расширение сердца...

— Чорт! И так у нас тесно, а тут у него еще расширение...

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

— Кем был открыт огонь?

— Индейцами, кажется...

— А я вон в газете читал, что первые открыли огонь англичане в Китае по демонстрации...

СОВРЕМЕННАЯ ХИМИЯ

— Какие вы знаете летучие вещества?

— Бензин...

— Еще...

— Еще мануфактура: она часто улетучивается..

НОВОЕ ИЗ ГРАММАТИКИ

Учитель: — Скажите, глагол „заседать“ — какое время?

Ученик: — Потерянное, т. учитель!

40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ

Одесская операция

„ПЕРВЫЙ РАЗ В ЗДЕШНЕМ городе. Захватывающий АНСАМБЛЬ ВРАЧЕЙ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ.

ДЖАЗ-БАНД на стетоскопах, уретроскопах, фенедоскопах, цистоскопах, ректоскопах, кружках Эсмарха, жанетовских шприцах, ланцетах, пинцетах, скальпелях и т. д. экзотических инструментах.

Исполнены будут ЛЮБИМЫЕ ФОКСТРОТЫ СОСТАВОМ 40 ВРАЧЕЙ и профессоров“.

Такая афиша была составлена в Одессе для привлечения уважаемых зрителей на вечер в пользу „Дома врача“.

Однако, джаз-банд на кружках Эсмарха и уретроскопах не состоялся, благодаря хирургическому вмешательству красного гублитовского карандаша...

А почему бы, в самом деле, не применить джаз-банд во время операций?

Вот умилительная картина: врач водит хирургическим ножом, как смычком, по червообразному отростку больного, а ассистенты и сестры милосердия тем временем утоляют его боли божественными звуками, извлекаемыми из кружки Эсмарха и уретроскопа, под дирижерством размахивающего пинцетом профессора. Соло на шприце исполняет заслуженная сиделка...

Конечно, для этих музыкальных операций следует ввести строго нормированную таксу, не то клиенты будут жаловаться на виртуозов джазбандитской медицины, что „они немножечко дерут“...

Надо думать, что при составлении вышеприведенной фокстротной афиши врачи не декламировали известной басни:

И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь, как нам сесть?

Ибо „садиться“ им, конечно, не хотелось... а, ведь, все могло случиться: инструменты-то казенные...

Веселенький докладчик

Почему панический страх об'ял членов ячейки Мопр деревни Парбино? А вот почему.

Вначале докладчик сыпал, как горох, отдельные слова и фразы, логически между собой не связанные:

— И так, товарищи, мы видим, что буржуазия достигла кульминационной точки реорганизации тюрем и реконструкции пыток и мучений. Плохо приходится там нашему брату... Так, в гродненской тюрьме образовалась ассоциация палачей, которая шлифует свой нож о спины пролетариата...

Молнии ужаса засверкали в избе-читальне... испуганные мурашки беспорядочно забегали по телу слушателей-крестьян...

— Поэтому...— докладчик выдержал драматическую паузу.— Поэтому вы все прикрепляйтесь к этой гродненской тюрьме.

Изба-читальня огласилась большими причитаниями...

Мужиков охватило смятение.

— За что?

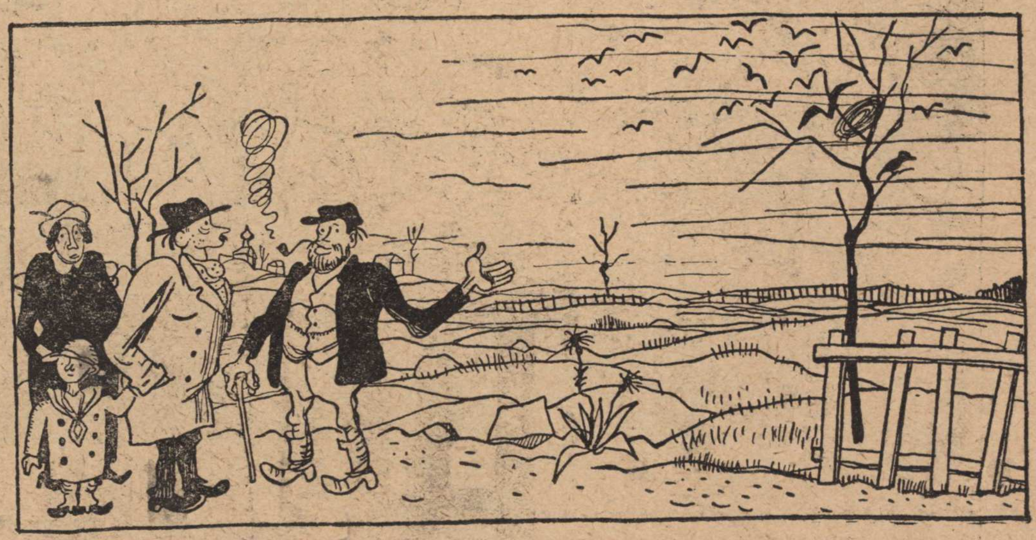
Когда члены ячейки, после ухода докладчика, пришли, наконец, в себя, они приняли вполне логичную резолюцию:

— „Как мы от Мопр должны быть теперь прикреплены к тюрьме и на всякое мучительство пойти,— то пускай кто хочет идет, а мы ни в чем неповинны и из Мопра уходим...“

Интересно, к какому месту „прикреплена“ голова докладчика? А ну-ка, подымитесь, товарищ! Не сидите ли вы на ней?..

ВЕСНА, ВЕСНА!

Рис. Б. Малаховского

— 700!
— Где же дача? Да это ведь пустое место!
— Зато сколько воздуха!..

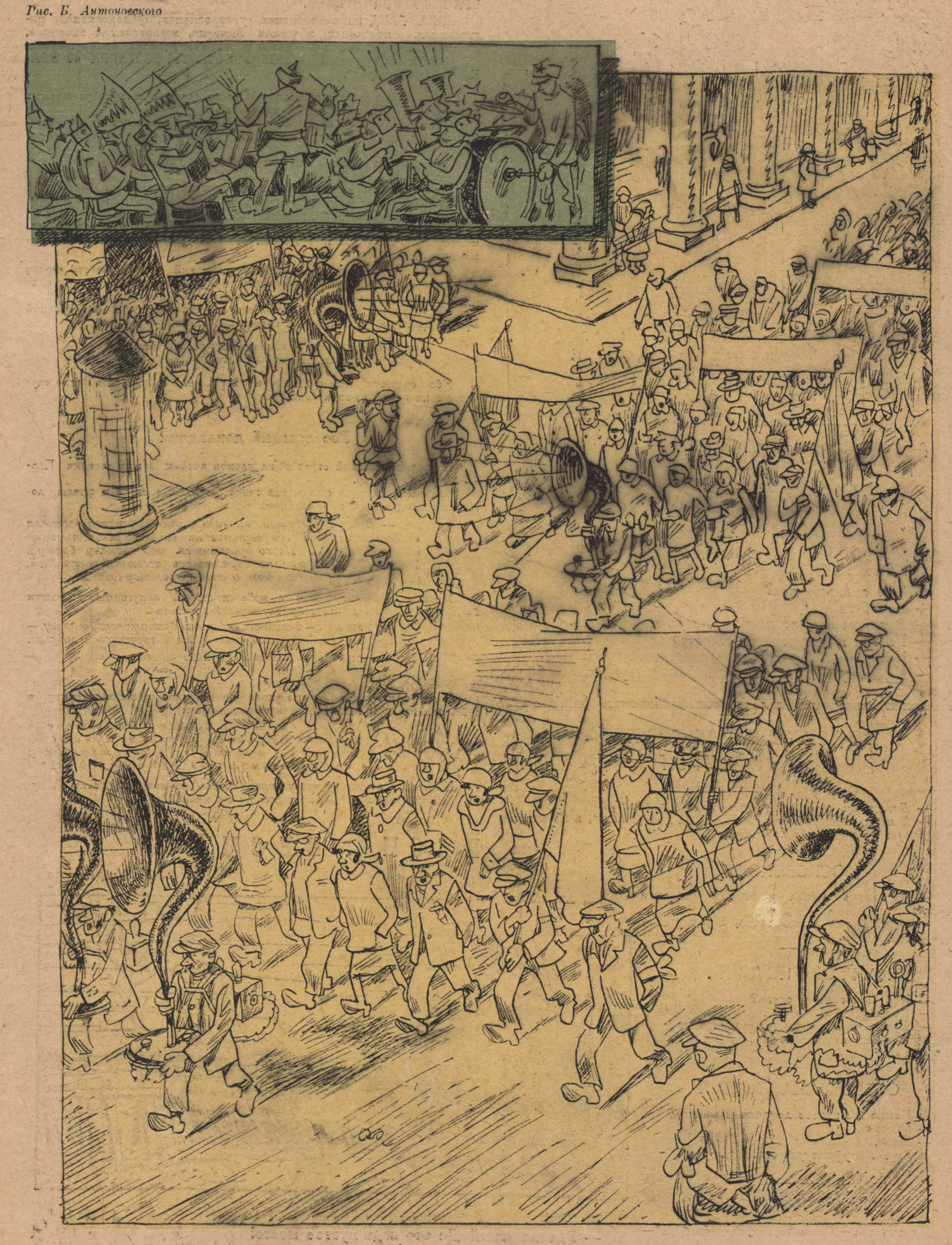
Издатель — „ГУДОК“. Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит 85458. Москва. 5-я типо-литография „Мосполиграф“, Мыльников п., 14. Тел. 4-88-39. Зак. 1384. Тираж 110.000 экз.

РАДИОЭКОНОМИЯ В ОРКЕСТРОВОМ ДЕЛЕ

(ПРОЕКТ „СМЕХАЧА“—К ПЕРВОМАЙСКИМ ТОРЖЕСТВАМ)

Рис. Б. Антоновского

ОРКЕСТР БЕЗ ДИРИЖЕРА И БЕЗ... МУЗЫКАНТОВ.